

DOI 10.23859/1994-0637-2017-6-81-16
УДК 821.161.1.09

© Лаврова С.Ю., 2017

Лаврова Светлана Юрьевна

Доктор филологических наук, профессор,
Череповецкий государственный университет
(Череповец, Россия)
E-mail: llavrov20@gmail.com

Lavrova Svetlana Yurevna

Doctor of Philology Sciences, Professor,
Cherepovets State University
(Cherepovets, Russia)
E-mail: llavrov20@gmail.com

**ЛИТЕРАТУРНЫЙ КРИТИК
XIX ВЕКА Н.Д. АХШАРУМОВ
ОБ ЭТНИЧЕСКОЙ
МЕНТАЛЬНОСТИ В РОМАНЕ
Л.Н. ТОЛСТОГО «ВОЙНА И МИР»¹**

**LITERARY CRITIC
OF THE NINETEENTH CENTURY
N.D. AKHSHARUMOV ON ETHNIC
MENTALITY IN THE NOVEL
BY L.N. TOLSTOY'S
“WAR AND PEACE”**

Аннотация. Настоящая статья посвящена анализу этнической ментальности российского народа, представленной писателем – классиком Л.Н. Толстым в романе «Война и мир» и описанной литературным критиком XIX века Н.Д. Ахшарумовым в одной из четырех критических статей, посвященных проблематике романа.

Abstract. This article is focused on analysis of the ethnic mentality of the Russian people, set forth by a classic writer L. N. Tolstoy's novel “War and peace” and described by a literary critic of the nineteenth century H.D. Akhsharumov in one of the four critical articles on the novel.

Ключевые слова: литературный критик Н.Д. Ахшарумов, писатель Л.Н. Толстой, этническая ментальность, роман «Война и мир»

Keywords: literary critic N. D. Akhsharumov, writer L. N. Tolstoy, ethnic mentality, the novel “War and peace”

Введение

Как показывает традиция усвоения гуманитарных терминопонятий, многие из них приобретают предметную значимость при рассмотрении в том или ином реальном текстовом материале. Особую роль в этом процессе играют тексты художественные и построенные на их анализе исследования литературно-критические. В художественных текстах формируется авторское понимание философско-этических проблем, интересующих человека, а в литературно-критических – исследовательское осмысление способа представления авторского понимания проблем. В таком осмыслении, так или иначе, проявляется желание критика оценить художественные качества и общественную роль анализируемого текста, сформулировать суть его аксиологии, попытаться «вписать» данный текст в условные рамки терминологической парадигмы, будь то литературное направление или общепризнанная смысловая проблематика (успешность такой попытки зависит от уровня образованности и таланта критика).

¹ Работа выполнена при поддержке РГНФ (проект № 15-04-00491): «Неисследованные «имена» в русском литературном процессе второй половины XIX века: Н.Д. Ахшарумов как прозаик и литературный критик»

Основная часть

Обращаясь к одной из ярких статей литературного критика XIX века Н.Д. Ахшарумова, посвященной анализу классического произведения Л.Н. Толстого «Война и мир» (статья вторая) [2, с. 25–64], рассмотрим способ представления критиком специфики этнической ментальности русского народа в указанном романе. Эпически показанное Толстым многообразие проявлений ментальности отразилось в бинарной структуре войны и мира как фоне бытия блестяще описанных персонажей, созданных классиком русской литературы. Несомненно, сразу встает вопрос о том, как литературный критик XIX века может рассуждать в статье об этнической ментальности, если терминологическое наполнение данного понятия появляется гораздо позже (по мнению исследователей, в середине 60-ых годов XX века)? [5], [4]. Ученые, изучающие понятие «этническая ментальность», утверждают, что к числу трудностей, связанных с анализом научной литературы по этой теме, «... относится и длительный период начального развития, когда ментальность описывали и изучали, не называя ее таковой. Обнаружить такие публикации по каким-либо внешним признакам невозможно: о том, что речь в них идет именно о менталитете, становится ясно только после прочтения работ» [6], [5]. Именно в таком контексте и предлагается анализ литературно-критической статьи Н.Д. Ахшарумова. Исследовательские работы более позднего периода об описании этнического менталитета в романе Толстого, такие, как [7], [1], [10], [11] и другие не рассматриваются нами в связи с тем, что опубликованы они в XXI веке. Не обращаемся мы и к способу оценки данной статьи со стороны литературоведов, занимающихся профессионально литературной критикой [3, с. 108–113], [7, с. 58–65]. Проблематика этнической ментальности и ее наполнение в XIX веке в контексте образованной языковой личности, знающей историю и литературу, каким и является критик Ахшарумов, по большому счету ничем не отличается от понимания ее сегодняшними исследователями. Как два века назад, так и сейчас в текстовом исполнении, уточняемом с учетом жанра, ведется разговор об инвариантном наполнении двух понятий – «этнической ментальности» и «менталитета». Вектор жизненного поведения каждой конкретной личности обуславливается и спецификой исторических событий, в эпоху которых довелось жить, и наличием определенных традиций, характерных для той или иной эпохи, и образом сформировавшегося мышления людей, стоящего за многочисленными историческими и культурными фактами. Эта проблематика становится особенно интересной, когда речь идет о глубокой и оригинальной критической статье литературного критика XIX века, написанной по поводу анализа создания классического романа гения. Критика есть искусство разбирать и судить. Такими профессиональными качествами Н.Д. Ахшарумов, несомненно, обладает. Будучи личностью хорошо образованной и нестандартной, он и литературно-критическую статью выстраивает по своим канонам. Обратимся к ее содержанию в контексте анализа этнической ментальности, интересующей нас. Непосредственному разбору особенностей и типичности персонажей романа Л.Н. Толстого «Война и мир» у Ахшарумова предшествует достаточно объемное вступление, характеризующее этапы исторического формирования русской нации и ее менталитета. Анализируя устоявшееся в обществе понимание исторического романа по образцу Вальтера Скотта, Ахшарумов объясняет различия между данным автором и Л.Н. Толстым, указывая на различную ментальность Англии как островного государства и бескрайней России. Можно сформулировать первый тезис критической статьи Ахшарумова: этническую ментальность формируют географические особенности и размеры территории, на которых проживает конкретный народ. Возможно, автор статьи одним из первых предвосхищает сформировавшуюся позднее идею о том, что бескрайние пространства, достаточно сложно поддающиеся

ухоженной обустроенности в России, во многом определили специфические черты русского народа. Позднее философ Н. Бердяев отметит, что Россию погубили пространства, а ученые XXI века покажут, как на русскую ментальность оказали влияние колоссальные просторы страны и континентальный климат [10, с. 51]. «... история английской нации меньше всего похожа на нашу, – пишет Ахшарумов, добавляя, – там люди не знают и ни отцы их, ни деды не помнят такого неограниченного простора жизни, какой существует у нас. Там нет середины; одно из двух: или совсем не живи, или живи так, как люди живут» [2, с. 26]. «У нас совершенно напротив. У нас центр равновесия до сих пор еще не отыскан. Головою мы двинулись быстро вперед, ногами едва научились ступать, не спотыкаясь и не опрокидываясь. Мы выработали государственное единство, но не выработали еще никакого единства между развитием нации и развитием личным. После долгих веков исторического существования отдельные элементы нашей народной жизни до сих пор еще так слабо связаны между собой и эта слабость рождает такой простор для всякого уклонения в сторону от общего центра движения, что у нас можно легко стать человеком известным и даже героем в глазах большого числа людей и, несмотря на то, оставаться столь же далеким от какой бы то ни было положительной исторической роли, как любая Коробочка или Обломов. Эта черта распушенности, это отсутствие органической связи в характере нашей народной жизни и были одною из главных причин той трудности, с которою хорошо знакомы наши поэты, трудности отыскать в нашем прошедшем какой-нибудь стройный и сжатый сюжет для поэтической обработки» [2, с. 26–27]. Характеризуя нашу народную жизнь, критик подводит читателя к пониманию, как сложно даже такому автору как Л.Н. Толстой выбрать стройный сюжет для создания романа, который смог бы отразить специфику российского человека. В дальнейшем Ахшарумов покажет в своей статье, что две части романа Толстого окажутся, с его точки зрения, неравноценными: «Картина Войны у него так хороша, что мы не находим слов, способных выразить хоть отчасти ее ни с чем несравненную красоту. <...> Картина Мира не так легко поддается общей оценке и на первых порах приводит нас в сильное недоумение...» [2, с. 39–40]. В языковой персонификации географического изолирования России от Европы и появившейся возможности познакомиться с новым миром («Россия, жившая долго особняком, на рубеже европейской цивилизации, шагнула через ограду, ее уединявшую, и вступила в семью европейских наций») [2, с. 28] критиком образно показывается направленность социально-культурных исканий российского народа, желание постичь чужое мироустройство. Ахшарумов, пытаясь аргументировать влияние Европы на формирование российской ментальности, отмечает конкретные факты этого влияния: во-первых, желание русского человека усвоить европейские формы жизни, принятие которых приводит в дальнейшем к появлению нового общества с особой ролью в нем российского чиновничества (не повторяющего, естественно, европейские законы власти); во-вторых, водоворот европейской международной политики заставляет передовых людей России поднять вопрос о нашей национальной самобытности; в-третьих, сильное увлечение чужим европейским миром выявляет в русском народе некое нравственное лакейство. Отмечая последнее, Ахшарумов смягчает свой приговор, уточняя следующее: «Лакейство – еще не рабство, конечно, в смысле зависимости узаконенной и вынужденной; но оно гаже рабства, потому что под ним разумеется подчинение нравственное, охотно и даже весело на себя принимаемое и добровольно терпимое. К счастью человеческого достоинства, эта черта редко бывает наследственной и никогда национальной. Лакейство существовало во все века и у всех народов <...> лакейство – это всемирный грех» [2, с. 34–35]. Взаимовлияние одного менталитета на другой может осуществляться разными путями, но, по мнению критика, образо-

ванное российское общество указанного периода, читающее переведенные на русский язык иностранные книги, достаточно живо восприняло европейское революционное преобразование.

Второй тезис статьи Ахшарумова прочитывается как европейское влияние на Россию после открытия Петром географических границ изменяет сущностное содержание российской ментальности. Критик показывает, как действительно постепенно меняется сущностное содержание российского общества: от людей знатных, богатых и титулованных, до наследников раздробленных и потерявших свое величие имений. На основе внешних связей постепенно формируются новые убеждения членов нового общества на французский лад, литература подхватывает этот процесс и описывает его в текстах. «Процесс этой новой формации начался у нас, без сомнения, раньше той интересной эпохи, которую граф Толстой изобразил в своем сочинении. Начало его можно считать с тех ассамблей, на которых русских боярынь заставляли переодеваться в немецкое платье и спаивали заморским вином», – подводя итог своим вступительным рассуждениям, отмечает Ахшарумов [2, с. 30]. Современному человеку данные истины не покажутся открытием, но мы не должны забывать о том, что так считает человек середины XIX века, развернуто показывая нам историческую основу классического романа графа Толстого. Третий тезис Ахшарумова заключается в констатации того, что в новую формирующуюся эпоху исторической войны меняется роль и значимость русского частного человека. Критик вполне справедливо замечает, что «местами кажется, как будто в «Войне и мире» историческая сторона задачи принесена в жертву художественной. Лицо частного человека стоит, по-видимому, везде на первом плане и занимает собою читателя почти исключительно; а исторические события являются только случайною его обстановкою, и ни один из главных актеров эпохи не принимает деятельного участия в драме рассказа. Но, несмотря на такую, по-видимому, второстепенную роль истории, она чувствуется везде и проникает собою все» [2, с. 32]. Действительно, метафора грозной тучи, всегда висящей на горизонте, подчеркивается Ахшарумовым как знак нестабильности жизни человека в мире, знак тревоги и опасности. Важно, что тема «частного человека», больше всего интересующая читателей, может наполняться разными смыслами, если рассуждать о ней более детально, с учетом способа выражения авторской задачи. Частный человек, создающий автобиографию, мемуары, дневниковые записи, интервью, – индивидуум, имеющий право от своего персонального имени выражать отношение к проявлениям человеческого бытия и его сущностным признакам. Он и творец, и наблюдатель, но не писательский персонаж, созданный для решения определенной творческой задачи произведения [9]. Частный человек романа в любом случае – лицо типизированное, созданное автором с определенной целью. Частные лица, описанные в романе «Война и мир», по суждению Ахшарумова, представляют «тип русского человека в эпоху его перерождения <...> этот-то тип играет главную роль в сочинении графа Толстого. Он составляет собою тот личный центр, в котором сосредоточивается и воплощается весь исторический интерес и исторический смысл картины; а потому он, прежде всего и должен быть предметом критического анализа» [2, с. 32]. Объектом же выступает историческая эпоха как продукт времени, на фоне которой и «разворачивается» жизнь классических персонажей романа. Так или иначе каждый из этих персонажей являет собой некий типизированный инвариант разнослового общества России начала XIX века и, соответственно, воплощает его важнейшие этнические черты. Ахшарумов отмечает, что Толстой «любит людей, им описываемых, не за какие-нибудь особенные достоинства или заслуги, ибо таких, вообще говоря, налицо не оказывается, а естественной и безотчетной любовью русского к русскому, сына к отцу, участием зрелого

и высокоразвитого человека к молодому повесе, который напоминает ему его молодость» [2, с. 36–37].

Описывая ключевые фигуры романа, критик выбирает определенный языковой способ вербализации специфики каждого. Блестящим созданием автора называет критик образ графа Безухова, воспитанного, несомненно, в Париже и (при всей оригинальности и несходстве с другими персонажами) отмеченного чертами бесхарактерности, ложной скромности, переходящей все границы приличия, необъяснимой доброты, перемешанной со стыдливостью, непониманием своего места в этой сложной жизни, не перевариваемыми мыслями, которыми «напичкало» его обучение за границей. Обратившись к базовым концептам российской этнической ментальности, констатируем, что Безухов – типичный представитель русского менталитета начала XIX века, выражающий инвариантные черты образованного человека того времени (человека евро ориентированной культуры, но чувствующего и мыслящего с помощью взаимоисключающих способов: «энергетическая пружина» при «рыхлой, кисельной природе»; «никогда не знает: худо или хорошо, глупо или умно, прилично или позорно то, что он делает» [2, с. 43]; кисельное сердце с львиной основой). Образ Николая Ростова характеризуется той же амбивалентностью понимания мира с характерной для молодого человека-гусара жаждой какого-то абстрактного подвига, не имеющего под собой никакой реальной практичности и рациональности. Стыдливость и неуверенность в себе скрывается под маской распушенности и «лихорадочного порыва», столь характерного для русского поведения образованного молодого человека. В противовес Безухову и Ростову другие фигуры «воинов», такие как Васька Денисов и Долохов, – не сомневающиеся в себе представители русского общества. Образ Денисова вызывает в определенной степени восхищение его геройством («Вглядываясь в черты этой геройской фигуры, мы находим в них что-то знакомое и без ошибки можем сказать, что они встречаются нам не в первый раз в русской литературе... <...> Люди этого рода не сомневались в себе, так же как они не сомневались в смысле той жизни, которая их окружала. Она отвечала вполне на их немудреные требования...» [2, с. 51–52]). Образ Долохова, дуэлиста и шулера, негодяя и мерзавца, при всей этической неоднозначности этого персонажа, оценивается критиком, как еще один удачно описанный Толстым типичный циничный представитель российской ментальности. «Там, где нужна отвага, ни перед чем не задумывающаяся, или холодная ясная голова перед лицом беды, почти неминуемой, там этот мерзавец и негодяй является нам богатырем чисто русской породы» [2, с. 52]. Казалось бы, парадоксально видеть в мерзавце русского богатыря, однако речь идет о двух сторонах этой сложной личности: бытовой распушенности и вседозволенности в силу определенных причин, с одной стороны, и холодной расчетливости и острого ума, когда речь идет о военном противостоянии его Родины с другим государством. Отвага русских людей в военных действиях всегда определяла не в меньшей степени, чем современное оружие, исход битвы в нашу пользу.

Образы других персонажей российской действительности начала XIX века в статье Ахшарумова представлены именами старого князя Николая Болконского, молодого князя Андрея Болконского и Наташи Ростовской. В характере каждого из них критик отмечает чисто российские черты, по-разному воплощенные в зависимости от гендерной принадлежности, возрастного статуса, личной человеческой симпатии автора романа. Образ старого графа Безухова, по мнению Ахшарумова, превосходит по силе изображения все, что когда-либо описывал Толстой. Это тип русского человека, самобытного, имеющего деньги, но лишенного практического опыта, что и обусловило его основное пребывание в собственном имении, в кругу тиранически покоренных им домочадцев. Однако Толстой, как пишет Ахшарумов, не остановил-

ся на этой характеристике, представляя образ в современной тому времени трактовке: «...дух обновления в свою пору коснулся этого человека; что это – натура, уже поступившая в переделку; что он был протестантом в свое время и до конца остался решительным теоретиком; короче сказать, что и он представляет собой не исконную старину, а тип переходного времени» [2, с. 46]. В сравнении со старым Болконским его сын, князь Андрей («... мы видим в нем человека, жестоко разочарованного пустотой светской жизни и томимого жаждой серьезной деятельности. Этой серьезной деятельностью он считает в ту пору войну» [2, с. 47]) – типичный представитель «лучшей России», сорокалетний мужчина, образованный, воспитанный, красивый, вместе с тем – постоянно ищущий какого-то особого применения своим силам, влюбленный то в славу Наполеона, то в реформы Сперанского, то в душу Наташи Ростовой. Ахшарумов замечательно резюмирует специфику натуры князя – «... мы его любим, потому что он теплый, живой человек; потому что в нем чистая русская кровь и чистое русское сердце; и мы высоко уважаем в нем некоторые черты. Он благороден и горд – ничто мелочное и низкое не доступно его душе; он смел и готов отдать жизнь за то, что он любит... Но вся беда в том, что никто не может сказать, да и сам он не может сказать, что такое он любит. В нем нет устоя, нет личной инициативы, пылкие увлечения не рождаются в его душе живым плодом ее внутренней деятельности, а налетают, как вихрь, извне, совершенно случайно и, подхватив его на лету, мчат несколько времени до тех пор, пока их порыв не истощится, или что-нибудь, столь же внешнее и случайное, не остановит их механического размаха...» [2, с.48]. Наташа Ростова тоже «... не знает, чего ей нужно и что именно она любит <...> Наташа – русская женщина до конца ногтей; но не это еще отличает ее от других лиц, созданных автором, большая часть которых оттого так и милы нам, что русский народный характер в них не затерт и пробивает живым ключом сквозь все наносные элементы развития» [2, с. 49]. Наташа Ростова, по мнению Ахшарумова, находится «в группе фигур, олицетворяющих собою характер эпохи, очаровательная фигурка Наташи стоит на рубеже между тою сферою, самое яркое воплощение которой мы видим в Безухове, и другою, совершенно противоположною» [2, с. 51]. Ахшарумов считает, что именно такие, не мудрствующие над высокими истинами практические люди спасли и отстояли Россию, «когда все гнулось и трепетало под бурей...» [2, с. 51]. И речь здесь не идет о мужских и женских фигурах – речь идет об истинно русском человеке, знающем выход в минуту абсолютной опасности потерять Родину. История не раз доказывала справедливость такой характеристики россиянина. И, наконец, особое место в статье Ахшарумова отводится антиподу российского – французскому императору Наполеону. Сразу отметим, что критик обращает внимание читателя на большую ошибку Толстого в описании Наполеона: «К сожалению, много чего существенного ускользнуло от автора. От него ускользнул необычайный размер деловой, практической силы, резко деливший этого человека от всех его современников» [2, с. 54]. Ахшарумов не склонен разделять точку зрения Толстого на Наполеона как на простую пешку в руке судьбы, потому что убежден: сила Наполеона в его гении. «Он угадал дух нации и усвоил его себе в таком совершенстве, что стал в глазах миллионов людей живым его воплощением. И этот-то дух объясняет нам, почему его армия не была бессмысленным стадом, которое какая-нибудь одна пугливая овца могла в любую минуту сбить с толку. Его армия – это был он», – пишет Ахшарумов [2, с. 56]. Критик убежден, что военная философия графа Толстого не имеет ничего общего с реальностью пространства и времени войны. Фатализм в описании военных исторических дел, в которых у Толстого, по словам Ахшарумова, «так называемые великие люди суть ярлыки, дающие только имя событию...» [2, с. 61], и свобода частных лиц его романа, имеющих инициативу дей-

ствий и возможность реализовать поставленные личные цели, есть художественный способ репрезентации двух разных истин. Критик в заключительной части статьи дающий оценку творческой деятельности графа Толстого, по большому счету затрагивает и российскую ментальность самого писателя, человека широкой натуры с мнимой широтой «воззрений, которая, в сущности, объясняется только крайнюю их неопределенностью и неустойчивостью» [2, с. 62]; писателя, чья поэтическая и художественная сила значительно глубже и интереснее противопоставленной ей скептической философии автора, основанной на фаталистической ноте. Философию Толстого он называет «отвратительной», а роман Толстого – памятником славной эпохи.

Выводы

Таким образом, подводя итог, можно отметить, что российская этническая ментальность как писателя, так и его романа, выражается в противоречивых качествах реальных и вымышленных героев: в смешении разных философий, в неопределенности жизненных линий, в безудержности натур, в героизме и отваге в критические моменты для Родины, в ярко выраженной тяге к европейским стандартам, в любви к необозримому простору и в жажде некоего абстрактного подвига во имя такой же абстрактной идеи. Несомненно, что не только данными чертами определяется русский характер, в частности, и русская этническая ментальность в целом, но именно эти черты русского человека XIX века кажутся в определенной степени универсальными и прочитываются в критической статье именно так. Глубокий и серьезный анализ классического произведения Л.Н. Толстого (лишь частично рассмотренный в нашей работе), проведенный критиком основательно и аргументированно, подчеркивает художественную значимость личности самого Ахшарумова, в структуре которой, выражаясь с помощью научных терминов современной филологии, языковая личность Ахшарумова-критика заслуживает особого пристального изучения.

Литература

1. Алиференко Н.Ф. Лингвокультуральная природа ментальности // Язык. Словесность. Культура. 2011. № 1. С. 23–43.
2. Ахшарумов Н.Д. Война и мир. Сочинение графа Л. Толстого. Части 1–4 // Всемирный труд. 1868. № 4. С. 35–54.
3. Володина Н.В. Роман Л.Н. Толстого «Война и мир» в оценке Н.Д. Ахшарумова (статья вторая) // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. 2016. № 5. С.108–113.
4. Голикова Т.А. Психолингвистическая концепция исследования этнического сознания: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2005. 458 с.
5. Гуревич А.Я. Исторический синтез и Школа «Анналов». М.: Индрик, 1993. 328 с.
6. Додонов Р.А. Этническая ментальность: опыт социально-философского исследования. Запорожье: РА Тандем-У, 1998. 191 с.
7. Козлов А.Е. «Ахшарумовские вариации» в русской литературе: история войны 1812 года // Сюжетология и сюжетография. 2016. № 1. С. 58–65.
8. Козлова С.М. «Текст врага» в романе Л.Н. Толстого «Война и мир» // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2004. № 3. С. 56–62.
9. Лаврова С.Ю. «Частный человек» как внутритекстовый субъект-наблюдатель (на материале «Большой книги интервью» И.А. Бродского) // Говорящий как Наблюдатель: лингво-аксиологический аспект: монография. Череповец, 2017. С. 134–147.
10. Хроленко А.Т. Основы лингвокультурологии. М.: Флинта, 2016. 38 с.
11. Шпилькин Ю.И. Евразийский менталитет. М., 2013. 242 с.

References

1. Alefirenko N.F. Lingvokulturalnaia priroda mentalnosti [Lingvoculturology nature of the mentality]. *Iazyk. Slovesnost'. Kul'tura* [Language. Literature. Culture], 2011, no. 1, pp. 23–43.
2. Akhsharumov N.D. Voina i mir. Sochinenie grafa L. Tolstogo. Chasti 1–4 [War and peace. Work of count Leo Tolstoy. Parts 1–4]. *Vsemirnyi trud* [The world of work], 1868, no. 4, pp. 35–54.
3. Volodina N.V. Roman L.N. Tolstogo «Voina I mir» v otsenke N.D. Akhsharumova (statia vtoraia) [The Novel by L.N. Tolstoy's "War and peace" in the evaluation of N.D. Akhsharumov (second article)]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.A. Nekrasova* [Bulletin of Kostroma State University]. Kostroma, 2016, no. 5, pp. 108–113.
4. Golikova T.A. *Psicholingvisticheskaia konseptsii issledovaniia etnicheskogo soznaniia* [Psycholinguistic concept of the study of ethnic consciousness. Dr. dis.]. Moscow, 2005. 458 p.
5. Gurevich A.Ia. *Istoricheskii sintez i shkola "Annalov"* [Historical synthesis and School "annals"]. Moscow, 1993. 328 p.
6. Dodonov R.A. *Etnicheskaiia mentalnost': opyt sotsialno-filosofskogo issledovaniia* [Ethnic mentality: the experience of social and philosophical research]. Zaporozhye, 1998. 191 p.
7. Kozlov A.E. "Akhsharumovskie variatsii" v russkoy literature: istoriia voyni 1812 goda ["Aharonovsky variations" in Russian literature: history of the war of 1812]. *Syuzhetologiya i syuzhetografiia* [Scenic and storytelling], 2016, no. 1, pp. 58–65.
8. Kozlova S.M. "Tekst vraga" v romane L.N. Tolstogo "Voina i mir" ["Text of the enemy" in the novel of L.N. Tolstoy's "War and peace"]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of the Tomsk state pedagogical University]. Tomsk, 2004, no. 3, pp. 56–62.
9. Lavrova S. Y. "Chastnyi chelovek" kak vnutriterstovyi sub"ekt-nablyudatel (na materiale "Bolshoi knigi interviu" I. A. Brodskogo) ["Private person" as intratextual subject-the observer (on the "the Big book of interviews" I. A. Brodsky)]. *Govoriashchii kak Nablyudatel': lingvoaksiologicheskii aspekt* [The Speaker as Observer: lingvoaxiological aspect]. Cherepovets, 2017, pp. 134–147.
10. Khrolenko A.T. *Osnovy lingvokulturologii* [Foundations of cultural linguistics. Textbook]. Moscow, 2016. 38 p.
11. Spilkin Y.I. *Evraziiskii mentalitet* [The Eurasian mentality]. Moscow, 2013. 242 p.

Лаврова С.Ю. Литературный критик XIX века Н.Д. Ахшарумов об этнической ментальности в романе Л.Н. Толстого «Война и мир» // Вестник Череповецкого государственного университета. 2017. №6 (81). С. 113–120.

For citation: Lavrova S.Y. Literary critic of the nineteenth century N.D. Akhsharumov on ethnic mentality in the novel by L.N. Tolstoy's "War and peace". *Bulletin of the Cherepovets State University*, 2017, no. 6 (81), pp. 113–120.